

МАХАР ВАЗНЕВ — директор балетной труппы Мариинского театра. В прошлом солист, исполнивший все ведущие партии классического репертуара: Альберта в «Жизели», Дезире в «Спящей красавице», Зигфрида в «Лебедином озере», Салона в «Баядерке», Базилья в «Дон Кихоте». Успешно исполнил знаменитые драматические роли дягилевского и советского наследия: Золотой Раб в «Шехеразаде», Ферхад в «Легенде о любви». Участвовал в премьере «Темы с вариациями», первого балета Баланчина, поставленного на Кировской-Мариинской сцене. С 1995 года — директор балета.

20 июля с триумфом завершились двухнедельные гастроли Мариинского балета в Нью-Йорке, не оправдав опасений скептиков, предсказывавших провал трехчастных балетных «Драгоценностей», впервые показанных в городе, где этот балет был создан (в 1967 году), и особенно реконструированной «Баядерки» в версии 1900 года. Обе премьеры американская пресса приняла «на ура».

Восторги заморской критики явились разительным контрастом тем спорам и скандалам в прессе и за кулисами, которые разыгрываются у нас вокруг едва ли не каждой балетной премьеры Мариинки...

— Вы семь лет на посту директора балетной труппы. За эти семь лет лицо Мариинского балета радикально изменилось. Изменилась и ситуация вокруг театра. Она стала более напряженной. Стало больше скандалов, бури в прессе по поводу чуть ли не каждой премьеры.

— Действительно, сегодня многим хочется, чтобы в театре ничего не происходило. В первое время, когда мы начали обновлять репертуар, стали приглашать репетиторов из Фонда Баланчина, предлагать сотрудничество западным балетмейстерам, позвали Алексея Ратманского, было очень трудно преодолевать стереотипы мышления. Многим казалось, что Мариинский балет уничтожает единство классического стиля. А ведь это нонсенс. Безусловно, классический репертуар был и остается лицом труппы. Но если мы хотим быть театром мирового масштаба, то сегодня нам нужно активно расширять сферу наших интересов. Прежде всего за счет того огромного количества западных течений в хореографии, которые мы упустили в XX веке. Я рад, что сегодня труппа стала более мобильной.

— В 1999 году, начиная со «Спящей красавицы», театр открыл новое репертуарное направление — реконструкции балетных шедевров прошлого. Только что закончился фестиваль «Звезды белых ночей», на котором состоялась премьера «Баядерки» в версии 1900 года. У этого направления много противников. Что вы им отвечаете?

— Противников всегда будет много. Но есть оппозиция, которая помогает. А есть

другая группа людей: они преследуют определенные интересы. У них все новое всегда вызывает протест. Тем более, если это касается спектаклей, которые являются лицом Мариинского балета. Это происходит из-за того, что целые поколения артистов были воспитаны на других художественных ценностях. Они и сегодня убеждены, что советские версии балетов XIX века — это шедевры, лучшее, что может быть. Они считают, что внесенные в эти спектакли изменения — историческая закономерность. Я им на это отвечаю, что, следовательно, и то, что происходит сегодня, тоже историческая закономерность. Нужно иметь колоссальное терпение, чтобы внедрять какие-то новые идеи в старом репертуарном театре! Когда мы начинали ставить Баланчина, это тоже многим не нравилось внутри театра. Макмиллан, Пети, Ноймайер тоже встречали устойчивое сопротивление.

— Какая концепция лежит в основе реконструкций? Чистота текстов, полнота художественной картины? Возможно, желание поднять более мощный культурный пласт — ведь очевидно, что за оригинальной «Баядеркой» стоит более глубокая и мощная культура, чем за ее усеченной версией 1941 года?

— Безусловно. В этом-то все и дело. За оригиналами Петила, за этой старинной эстетикой, за тем, как выстроена большой многоактный спектакль, стоит несколько веков театральной культуры. С точки зрения композиции, эти оригина-